

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

УДК 159.9.07:37.013.46

ПОСЛЕДСТВИЯ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ ДЛЯ СВИДЕТЕЛЕЙ

Щербakov В.В.

*Федеральный научно-методический центр в области психологии и педагогики толерантности,
Москва, e-mail: slavalamet@gmail.com*

В статье анализируется международный опыт исследований свидетелей буллинга. Проблеме травли посвящено много исследований, в том числе подробно изучены последствия травли для жертв и агрессоров. В то же самое время последствия травли для свидетелей остаются малоизучены, несмотря на то, что именно им отведена главная роль в большинстве антибуллинговых программ, как самой многочисленной группе лиц, участвующих в буллинге и способной предотвратить или остановить его. В статье автором ставится цель – обобщить зарубежный исследовательский опыт изучения свидетелей травли и ее последствий для них. Для наглядности данных автором рассматривается возникновение негативных последствий школьной травли для свидетелей, через призму возникающих у них когнитивных искажений, которые в ситуации травли, с одной стороны, выступают защитным механизмом для свидетелей, с другой, напротив – оказывают негативное влияние на свидетелей: когнитивного диссонанса, морального отчуждения ответственности, генерализации, катастрофизации и персонализации. Проанализировав данные, автор приходит к выводу, что школьная травля оказывает краткосрочное, а также долгосрочное негативное влияние на психическое и физическое здоровье свидетелей, а также существенно повышает риск суицидального и самоповреждающего поведения свидетелей, в том числе способствует повышению риска употребления ПАВ.

Ключевые слова: буллинг, последствия буллинга, последствия буллинга для свидетеля, свидетель буллинга, травма свидетеля

CONSEQUENCES OF SCHOOL HARASSING FOR WITNESSES

Scherbakov V.V.

*Federal Scientific and Methodological Center for the Psychology and Pedagogy of Tolerance,
Moscow, e-mail: slavalamet@gmail.com*

The article analyzes the international experience of bullying witnesses research. Much research has been devoted to the problem of bullying, including the consequences of bullying for victims and aggressors. At the same time, the consequences of bullying for witnesses remain poorly understood, despite the fact that they are assigned the main role in most anti-bullying programs, as the largest group of people involved in bullying and able to prevent or stop it. In our article, we aim to summarize foreign research experience in studying witnesses of bullying and its consequences for them. To illustrate the data, we consider the occurrence of negative consequences of school bullying for witnesses, through the prism of their cognitive distortions, which in a situation of bullying, on the one hand, act as a protective mechanism for witnesses, on the other hand, on the contrary, have a negative impact on witnesses: cognitive dissonance, moral alienation responsibility, generalization, catastrophization and personalization. By analyzing the data, we can see that school bullying has short-term as well as long-term negative effects on the mental and physical health of bystanders, and significantly increases the risk of bystanders' suicidal and self-injurious behavior, including the increased risk of substance use.

Keywords: bullying, consequences of bullying, consequences of bullying for a witness, witness of bullying, trauma of a witness

Буллинг (травля) – глобальное явление, которое только в конце XX в. привлекло внимание психологов. С того времени более чем за 30 лет исследования феномена были сформулированы определения и признаки, выявлены отличия травли от других форм агрессии, цели и причины, последствия, а также методы профилактики буллинга и противодействия ему.

Буллинг – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы. Это определение травли, ставшее классическим, к нему немецкий психолог Хорст Каспер, создатель опросника буллинга SMOB, добавляет важный параметр: «у жертвы почти нет шансов своими силами спра-

виться с данной ситуацией». Буллинг – это групповое явление [1]. В ролевой модели буллинга ученые выделяют три основных участника: жертву, агрессора и свидетеля. Последствиям буллинга для жертв и агрессоров посвящено много исследований и в настоящий момент известно, что буллинг вносит вклад в повышение рисков самоповреждающего и суицидального поведения, употребления психоактивных веществ, криминализации. Вовлеченность в ситуацию буллинга негативно отражается на физическом и психическом здоровье, успеваемости и вовлеченности в учебную деятельность, дружеских и супружеских отношениях, трудоустройстве в будущем и финансовом благополучии выросших школьников... [2].

Учитывая огромное количество исследований в зарубежной и отечественной научной литературе на тему последствий травли для жертв и агрессоров травли и недостаток изученности последствий, которые касаются непосредственно свидетелей, авторы решили сосредоточить свою работу именно на последних участниках травли. Это особенно важно в силу того, что, несмотря на малую изученность последствий травли для свидетелей в сравнении с жертвами и агрессорами, именно им отведена главная роль в профилактике и предотвращении травли в большинстве антибуллинговых программ [3].

При этом многие исследователи, изучающие те или иные аспекты школьного буллинга, в своих работах говорят о том, что опыт свидетелей травли требует большего внимания, и подчеркивают важность исследования именно этой роли в ситуации травли [2, 4], но, несмотря на это, роль свидетеля по-прежнему остается мало изучена [1]. Это связано с тем немаловажным фактом, что вред, зачастую физический, нанесенный непосредственно жертвам, очевиден, в то время как психологический и эмоциональный вред от наблюдения травли, полученный свидетелями, заметить сложнее, потому что он часто скрыт от внимания окружающих [5]. Тем не менее свидетели травли составляют подавляющее большинство ее участников, и, по мнению некоторых исследователей, опыт наблюдения за травлей может иметь для них негативные последствия [6–8]. В научной среде также имеются данные о том, что порой даже чаще, чем жертвы, свидетели сообщают о симптомах депрессии, тревоге и страхе незащищенности [9, 10]. Некоторые исследователи и вовсе утверждают, что свидетелей травли следует рассматривать как обычных жертв издевательств [11], потому что дети, погруженные в образовательный процесс на протяжении многих лет, ожидают на выходе столкнуться с процессами и отношениями, аналогичными тем, что были в школе [12], и существует вероятность того, что наблюдение за травмирующими событиями может исказить их восприятие себя и мира в негативную сторону [13].

Имея в виду перечисленные наблюдения, а именно важность деятельного участия свидетелей в ситуации травли, как главных субъектов ее профилактики и предотвращения, а также малую изученность последствий травли для свидетелей вкпе с непосредственной вероятностью негативного влияния травли на их психиче-

ское и физическое здоровье, авторы ставят перед собой главную исследовательскую цель – обобщить данные зарубежных работ в области исследования свидетелей травли и систематизировать их для дальнейших исследований роли свидетеля российскими учеными. Авторы данной работы делают акцент на работах зарубежных авторов ввиду того, что данных в российской научной литературе, освещающих последствия травли для свидетелей, крайне мало.

В нашей работе для наглядности авторами будет рассматриваться возникновение негативных последствий травли для свидетелей через когнитивные искажения, которые в эпизодах травли приобретают для свидетелей характер психологической защиты, т.е., с одной стороны, защищают свидетелей от неблагоприятных воздействий травли, с другой, наоборот, оказывают краткосрочное и долгосрочное негативное влияние на психическое здоровье. В нашей обзорной статье исследователями будут рассмотрены когнитивный диссонанс, моральное отчуждение ответственности, персонализация, катастрофизация и генерализация.

Материалы и методы исследования

С целью изучения последствий травли для свидетелей, авторами были отобраны зарубежные рецензируемые систематические обзоры, метаанализы и научные статьи по ключевым словам: *bullying, consequences of bullying, consequences of bullying for a witness, witness of bullying, trauma of a witness*. Был проведен анализ современных научных исследований в области буллинга.

Результаты исследования и их обсуждение

Когнитивный диссонанс. Первое, с чем сталкиваются свидетели в ситуации травли, это состояние когнитивного диссонанса. Так или иначе, вне зависимости от направленности личности, перед свидетелями встает выбор, как поступить в ситуации буллинга? Защитить жертву, встав на ее сторону, или просто перестать смеяться над шутками агрессора. Попытаются проигнорировать травлю, делая вид, что ничего не происходит, или поддержать агрессора? Независимо от того, какую позицию в ситуации травли займет свидетель, так или иначе он столкнется с явлением когнитивного диссонанса. Когнитивный диссонанс – это состояние психического дискомфорта, вызванное столкновением в сознании человека конфликтующих представлений, идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций. В ситуации травли, свидетель ис-

пытывает его, когда его мысли и поведение рассогласованы. Например, свидетель может считать, что издевательства – это неправильно и хочет вмешаться, прекратить травлю, но не может этого сделать из-за страха стать следующей жертвой [1, 11, 13–15].

Страхи свидетелей часто носят социальный характер ввиду того, что агрессоры в большинстве случаев обладают более высоким социальным статусом, чем жертвы и свидетели [15]. Опасаясь за собственную безопасность, свидетели могут примкнуть к сверстникам, поддерживающим травлю [16]. Также к социальному фактору, оказывающему давление на свидетелей, относится страх социальной изоляции. Свидетели могут бояться оказать поддержку жертвам из-за опасения, что их статус среди сверстников может снизиться, они окажутся в одиночестве или меньшинстве и в конечном итоге сами могут стать жертвами травли [17, 18].

Таким образом, наличие у свидетелей когнитивного диссонанса вызвано, с одной стороны, убежденностью в правомерности своих действий и их адекватности ситуации, с другой же стороны, объективацией своего поведения, подтверждением своих действий или бездействия критической оценке. Переживание свидетелями когнитивного диссонанса в ситуации травли, связанного с неминуемым выбором позиции по отношению к агрессору и жертве. Так или иначе, в момент, пока свидетель не решился занять твердую позицию в отношении травли и стороны, к которой он готов примкнуть, выбирая между жертвой и агрессором, до тех пор, пока не сделан окончательный выбор, свидетель будет подвергнут состоянию когнитивного диссонанса, что, в свою очередь, приводит к психологическим травмам, дистрессу и депрессии у свидетелей, а некоторые исследования показывают, что независимо от предпринятых действий свидетели в любом случае приобретут психологические или соматические симптомы [19]. Как вмешательство, так и невмешательство связано с эмоциональными расстройствами [18].

Моральное отчуждение ответственности. Следующий когнитивный механизм, возникающий у свидетелей в ситуации травли, который стоит рассмотреть, – моральное отчуждение ответственности. Подверженные влиянию травли свидетели, находящиеся в состоянии когнитивного диссонанса, вынуждены рационализировать свое поведение для снижения интенсивности психологического дискомфорта, вызванного неминуемым выбором занимаемой позиции в диаде агрессор – жертва.

Из-за невыносимого выбора, вызванного когнитивным диссонансом, где, с одной стороны, у свидетелей есть понятия о норме и правильной модели поведения в ситуации травли, а с другой, чувства, эмоции, аффекты, которые вступают в конфликт с рациональным аспектом личности, психика свидетелей пытается совладать с психологическим дискомфортом. Независимо от того, какую позицию свидетели занимают в травле, будь то активное участие на стороне агрессора, пассивное одобрение его действий или попытка игнорирования травли и желание сохранить нейтралитет, или попытки прекратить буллинг, моральное отчуждение ответственности позволяет свидетелям воспринимать негативное воздействие травли в более позитивном свете в результате оправдания любых своих действий [20, 21].

В ситуации травли моральное отчуждение ответственности у свидетелей принимает две характерные формы. Первая из них – когнитивное искажение – виктимблейминг. Суть виктимблейминга заключается в том, что свидетели перекладывают ответственность за травлю на жертву. Явно обращая внимание на то, что в травле есть как минимум два субъекта, агрессор и жертва, свидетели могут начать обвинять жертву («сам виноват»), игнорировать и искажать поведение агрессора по отношению к жертве («это просто шутки, ничего страшного»). Подобным образом оправдывая травлю, не пытаясь ее прекратить, свидетели испытывают меньше вины [22]. Это происходит в силу того, что если свидетели не будут закрывать глаза на травлю, если они и дальше будут осознавать помимо жертвы еще и агрессора, то они заметят антисоциальное воздействие, которое агрессор оказывает на жертву. В свою очередь, наблюдая подобное влияние, свидетели могут ощутить свою субъектность, а это неминуемо вернет их к состоянию когнитивного диссонанса. Иными словами, то, что я вижу, неправильно, нужно с этим что-то сделать, но мне страшно... Я не делаю этого и чувствую себя виноватым. Дабы избежать подобных чувств и психологического дискомфорта, свидетели с помощью виктимблейминга сводят травлю к одному субъекту – жертве.

Вторая форма морального отчуждения ответственности, присутствующая в травле, эффект диффузии ответственности – это феномен, благодаря которому свидетели не вмешиваются в травлю, перекладывая ответственность за прекращение травли на других свидетелей, иными словами,

так как свидетелей много, он надеется, что жертве поможет кто-нибудь другой [23]. Диффузия ответственности также защищает свидетелей от пагубного влияния когнитивного диссонанса.

Таким образом, как бы ни поступили свидетели в ситуации травли, моральное отчуждение ответственности «убеждает» их в том, что они на самом деле в любом случае «поступают правильно». Это устраняет любую существенную мотивацию свидетелей для прекращения травли и снижает их уровень эмпатии [23]. Влияние морального отчуждения ответственности, с одной стороны, способно снизить психологический дискомфорт свидетелей, вызванный когнитивным диссонансом, но, с другой, это все же когнитивный механизм, который выступает рационализацией поведения свидетелей и принимаемых ими решений. При этом эмоционально-волевой компонент личности свидетелей подвергается негативному влиянию, возрастает степень нормализации насилия в классе за счет систематического наблюдения свидетелями эпизодов травли.

Персонализация. Персонализация – это форма когнитивного искажения, которая предполагает принятие на себя ответственности за события, которые происходят с другими людьми. Персонализация возникает у свидетелей с самого начала травли. Особенно подвержены персонализации в ситуации травли свидетели, которые в прошлом имели опыт жертвы. Они испытывают больше сочувствия к жертвам, в отличие от тех свидетелей, которые не имеют подобного опыта в прошлом [24]. Также свидетели, в прошлом бывавшие в статусе жертвы, могут испытывать психологическую ретравматизацию посредством эмпатичного сопереживания страданиям жертвы, которую они наблюдают в настоящем [15, 25]. Для свидетелей же, не имеющих в прошлом опыта жертвы, персонализация не является травмирующей, но в зависимости от развитости эмпатии свидетеля может иметь разную степень интенсификации психологического дискомфорта. Например, свидетели, имеющие высокий уровень эмпатии, могут испытывать чувство вины за то, что не предпринимают попыток прекратить травлю [19, 26]. «Да, я виню себя. Я могла бы помочь подруге, ну или позвонить кому-нибудь, или пожаловаться, но я не смогла, поэтому я виню себя» [27].

В ситуации травли персонализация способствует возникновению у свидетелей чувства вины из-за неспособности вмешаться или остановить издевательства. Даже в тех

случаях, когда свидетели мало что могут сделать, чтобы остановить травлю, они все равно принимают на себя ответственность за происходящее. «Я вмешалась, сказав хулигану, что драться нехорошо. Я накричала на него и пригрозила, что пожалуюсь директору, но он просто проигнорировал меня и продолжил издеваться над жертвой» [27].

У свидетелей может не получиться остановить конкретный эпизод травли, и тогда они начинают сомневаться в том, что их усилия могут повлиять на прекращение травли, это может вызвать чувство некомпетентности, негативно повлиять на самооценку свидетелей и привести к психологической фрустрации [28].

Катастрофизация. Катастрофизация – это форма когнитивного искажения, которая искажает восприятие человека и влияет на интерпретацию им той или иной ситуации, усиливая негативную реакцию. В случае травли катастрофизация проявляется у свидетелей не непосредственно при наблюдении травли, а именно в моментах тревожного ожидания следующего эпизода, вызывая страх стать следующей жертвой [15, 29]. «Мне кажется, что хулиганы могут сделать со мной то, что сделали с другими ребятами. Мне становится страшно, когда я думаю о том, что они могут переключиться на меня» [27].

Погружение в катастрофические мысли является одной из причин бессонницы и психоэмоционального истощения [15]. «Мне снятся плохие сны. В них хулиганы издеваются надо мной. Меня мучает из-за этого бессонница» [27].

Также из-за тревоги, возникшей на фоне наблюдения за травлей и страха стать следующей жертвой, свидетели могут часто отвлекаться на уроках – это может негативно сказаться на их успеваемости [13, 30, 31]. «Я не могу сосредоточиться на материале, который преподает учитель, я постоянно отвлекаюсь на мысли о том, что хулиганы могут начать травить меня» [27].

Генерализация. Генерализация – форма когнитивного искажения, когда на основе отдельно взятого факта человек строит обобщения. Генерализация усугубляет у свидетелей негативное восприятие школьной безопасности. Свидетелям травли в негативном школьном климате может не хватать чувства безопасности, необходимого для эффективного усвоения материала [32]. «Даже когда я пишу контрольную, я могу начать думать о травле, которую видела недавно» [27].

Также, свидетели могут начать прогуливать школу [30]. «Мне не нравится ходить

в школу, потому, что я не чувствую себя в безопасности». «Травля заставляет меня бояться школы. Иногда, когда мама будит меня, я такой: нет, не буди меня, я не хочу идти в школу» [27].

Таким образом, генерализация у свидетелей травли позволяет им вывести общее правило исходя из наблюдаемых эпизодов травли о том, что мир небезопасен и представляет угрозу [12, 13].

Обобщая данные, полученные на основе наблюдения за когнитивными искажениями свидетелей травли, авторы работ приходят к выводу о том, что с самого начала травли, за счет персонализации свидетели начинают эмоционально вовлекаться в травлю. Далее они попадают в состояние когнитивного диссонанса, вызывающего психологический дискомфорт, выходом из которого становится моральное отчуждение ответственности в виде виктимблейминга или диффузии ответственности. Но, так или иначе, эпизоды травли продолжаются, и в минуты затишья свидетелей одолевает катастрофизация, а за счет систематического наблюдения травли у свидетелей появляется генерализация.

Список симптомов, которые встречаются у свидетелей, широк: навязчивые мысли, печаль, эмоциональное истощение, стыд, чувство вины, гнев, страх, беспокойство, вспышки гнева и уход в себя. В сравнении с теми детьми, которые не сталкивались с издевательствами, у свидетелей выше уровень тревоги и риск возникновения депрессии. Значительно чаще, чем те, кто не участвовал в травле и не был ее очевидцем, свидетели указывали на беспомощность и суицидальные мысли. Также свидетели могут быть склонны к риску употребления ПАВ.

Заключение

Проведенное исследование показало идентичность в анализе проблем с многочисленными публикациями других авторов по данной тематике.

Таким образом, обобщив негативные последствия травли для свидетелей и рассмотрев их когнитивные искажения, автор предполагает, что в силу отсутствия в отечественной научной литературе исследований на тему последствий травли для свидетелей, данная обзорная статья, суммирующая зарубежные данные по этой теме, поможет российским исследователям в области буллинга в их будущих работах.

Список литературы

1. Salmivalli C. Participant roles in bullying: How can peer bystanders be utilized in interventions? *Theory into practice*. 2014. Vol. 53. Is. 4. P. 286–292.

2. Бочавер А. А. Последствия школьной травли для ее участников // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Vol. 18. Is. 2. с. 393–409.

3. Bauman S., Yoon J., Iurino C., Hackett L. Experiences of adolescent witnesses to peer victimization: The bystander effect. *Journal of school psychology*. 2020. Vol. 80. P. 1–14.

4. Gini G., Pozzoli T. Bullied children and psychosomatic problems: A meta-analysis. *Pediatrics*. 2013. Vol. 132. Is. 4. P. 720–729.

5. Darney C., Howcroft G., Stroud L. The impact that bullying at school has on an individual's self-esteem during young adulthood. *International Journal of Education and Research*. 2013. Vol. 1. Is. 8. P. 1–16.

6. Baldry A.C., Farrington D.P., Sorrentino A. School bullying and cyberbullying among boys and girls: Roles and overlap. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2017. Vol. 26. Is. 9. P. 937–951.

7. Boyes M.E., Bowes L., Cluver L., Ward C. Bullying victimisation, internalising symptoms, and conduct problems in South African children and adolescents: A longitudinal investigation. *Journal of abnormal child psychology*. 2014. Vol. 42. Is. 8. P. 1313–1324.

8. Lambe L., Hudson C., Craig W., Pepler D. Does defending come with a cost? Examining the psychosocial correlates of defending behaviour among bystanders of bullying in a Canadian sample. *Child Abuse & Neglect*. 2017. Vol. 65. P. 112–123.

9. Deng N., Bi H., Zhang W. Bystander behavior of adolescents in school bullying: A family functioning perspective. *Social Behavior and Personality: an international journal*. 2021. Vol. 49. Is. 8. P. 1–15.

10. Ttofi M., Maria M., Farrington D., David P., Lösel F., Crago F., Rebecca V., Theodorakis N. School bullying and drug use later in life: A meta-analytic investigation. *School psychology quarterly*. 2016. Vol. 31. Is. 1. P. 8.

11. Twemlow S.W., Sacco F.C., Williams P. Perspective on the bully-victim-bystander relationship. *Clinic*. 1996. Vol. 60. Is. 31. P. 296–313.

12. Crosnoe R. Schools, peers, and the big picture of adolescent development. *Adolescent vulnerabilities and opportunities*. 2011. P. 182–204.

13. Midgett A., Doumas D.M. The impact of a brief bullying bystander intervention on depressive symptoms. *Journal of Counseling & Development*. 2019. Vol. 97. Is. 3. P. 270–280.

14. Howard A.M., Landau S., Pryor J.B. Peer bystanders to bullying: Who wants to play with the victim? *Journal of abnormal child psychology*. 2014. Vol. 42. Is. 2. P. 265–276.

15. Rivers I., Poteat V.P., Noret N., Ashurst N. Observing bullying at school: The mental health implications of witness status. *School Psychology Quarterly*. 2009. Vol. 24. Is. 4. P. 211.

16. Glover D., Gough G., Johnson M., Cartwright N. Bullying in 25 secondary schools: Incidence, impact and intervention. *Educational research*. 2000. Vol. 42. Is. 2. P. 141–156.

17. Matthews T., Danese A., Wertz J., Ambler A., Kelly M., Diver A., Caspi A., Moffitt T., Arseneault L. Social isolation and mental health at primary and secondary school entry: a longitudinal cohort study. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2015. Vol. 54. Is. 3. P. 225–232.

18. Wu W.C., Luu S., Luh D.L. Defending behaviors, bullying roles, and their associations with mental health in junior high school students: a population-based study. *BMC Public Health*. 2016. Vol. 16. Is. 1. P. 1–10.

19. Callaghan M., Kelly C., Molcho M. Bullying and bystander behaviour and health outcomes among adolescents in Ireland. *J Epidemiol Community Health*. 2019. Vol. 73. Is. 5. P. 416–421.

20. Bjarehed M., Thornberg R., Wänström L., Gini G. Mechanisms of moral disengagement and their associations with indirect bullying, direct bullying, and pro-aggressive bystander behavior. *The Journal of Early Adolescence*. 2020. Vol. 40. Is. 1. P. 28–55.

21. Killer B., Bussey K., Hawes D., Hunt C. A metaanalysis of the relationship between moral disengagement and bullying roles in youth. *Aggressive behavior*. 2019. Vol. 45. Is. 4. P. 450–462.
22. Caravita S., Sijtsema J., Rambaran J., Gini G. Peer influences on moral disengagement in late childhood and early adolescence. *Journal of youth and adolescence*. 2014. Vol. 43. Is. 2. P. 193–207.
23. Thornberg R., Jungert T. School bullying and the mechanisms of moral disengagement. *Aggressive behavior*. 2014. Vol. 40. Is. 2. P. 99–108.
24. Thornberg R., Tenenbaum L., Varjas K., Meyers J., Jungert T., Vanegas G. Bystander motivation in bullying incidents: To intervene or not to intervene? *Western Journal of Emergency Medicine*. 2012. Vol. 13. Is. 3. P. 247.
25. D'Augelli A.R., Pilkington N.W., Hershberger S.L. Incidence and mental health impact of sexual orientation victimization of lesbian, gay, and bisexual youths in high school. *School Psychology Quarterly*. 2002. Vol. 17. Is. 2. P. 148.
26. Twemlow S.W., Sacco F.C. How & why does bystandering have such a startling impact on the architecture of school bullying and violence? *International Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 2013. Vol. 10. Is. 3. P. 289–306.
27. Adewoye S.E., du Plessis A. Early adolescent bystanders' experiences of school bullying in a South African school. *Journal of Education (University of KwaZulu-Natal)*. 2021. Is. 85. P. 111–127.
28. Smokowski P.R., Kopasz K.H. Bullying in school: An overview of types, effects, family characteristics, and intervention strategies. *Children & Schools*. 2005. Vol. 27. Is. 2. P. 101–110.
29. Glew G.M., Fan M., Katon W., Rivara F., Kernic M. Bullying, psychosocial adjustment, and academic performance in elementary school. *Archives of pediatrics & adolescent medicine*. 2005. Vol. 159. Is. 11. P. 1026–1031
30. Farrington D.P., Ttofi M.M. Bullying as a predictor of offending, violence and later life outcomes. *Criminal behaviour and mental health*. 2011. Vol. 21. Is. 2. P. 90–98.
31. Vidourek R.A., King K.A., Merianos A.L. School bullying and student trauma: Fear and avoidance associated with victimization. *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 2016. Vol. 44. Is. 2. P. 121–129.
32. Strøm I.F., Thoresen S., Wentzel-Larsen T., Grete Dyb. Violence, bullying and academic achievement: A study of 15-year-old adolescents and their school environment. *Child abuse & neglect*. 2013. Vol. 37. Is. 4. P. 243–251.
33. Midgett A., Dumas D.M. Witnessing bullying at school: The association between being a bystander and anxiety and depressive symptoms. *School mental health*. 2019. Vol. 11. Is. 3. P. 454–463.
34. Rivers I., Noret N. Potential suicide ideation and its association with observing bullying at school. *Journal of Adolescent Health*. 2013. Vol. 53. Is. 1. P. S32–S36.
35. Russell S.T., Franz B.T., Driscoll A.K. Same-sex romantic attraction and experiences of violence in adolescence. *American journal of public health*. 2001. Vol. 91. Is. 6. P. 903.